

Гаршин Николай Александрович,

аспирант,

ФГБОУ ВО «Воронежский Государственный университет»,

г. Воронеж, Россия

ФЕНОМЕН МИФОТВОРЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВА РИСКА

В работе представлена разработка феномена мифотворчества. Особо внимание уделено культуре России 1990-х годов. Проанализированы риски и угрозы распространения контркультурных мифов. Предлагается общая методология преодоления контркультурных и асоциальных явлений.

Ключевые слова: миф, социальная философия, современная философия, философия культуры, искусство постмодерна.

Nikolaj A. Garshin,

post-graduate student,

FSBEI HE «Voronezh State University»,

Voronezh, Russia

THE MYTH-MAKING PHENOMENON IN THE CONTEXT OF THE RISK SOCIETY

The article is devoted to the development of the myth-making phenomenon. Special attention is paid to the Russian culture of the 1990s. The risks and threats of the countercultural myths spread are analyzed. The general methodology to overcome antisocial and countercultural phenomena is proposed in the article.

Keywords: myth, social philosophy, modern philosophy, philosophy of culture, postmodern art.

Исследование любого мифотворчества всегда связано с неизбежной методологической дилеммой: погружаться в миф, сопереживать ему, вчувствоваться в него или стать сторонним наблюдателем, независимо описывающим построение мифа, его плюсы и минусы, причины его определённого состояния и следствия. Однозначного ответа на данный вопрос нет, и в принципе не может быть, поскольку так или иначе исследователь вынужден жертвовать чем-либо: либо своим незамутненным, независимым

подходом, либо улавливанием полноты внутренних, недоступных внешнему наблюдателю, intersубъективных смыслов. Подобная проблема характерна для методологии социально-гуманитарного познания в целом, однако именно в аспекте мифотворчества она, на наш взгляд, раскрывается наиболее полно. Это связано со спецификой самого мифа как феномена культуры в целом. Миф, как известно, требует особого толка погружения, эмпатии для оказания наиболее полного и комплексного влияния на своего адепта, что до предела снижает критичность последнего. По словам Екимовой О.В. и Курочкиной Л.Я, «Мифологическая картина мира не подлежит анализу, расчленению на составные части. Она представляет собой целостное, синкретическое представление о природе и социуме, все элементы которого имеют тесные и неразделимые взаимосвязи. Такая включенность всякого элемента мифопоэтической картины мира делается понятной и доступной члену социума только через сближение со своими собственными ощущениями. Мифологизированное явление не имеет причинного объяснения, а принятие его таковым, каково оно есть, причем принятие его как аксиомы, критическое отношение к которой в мифологии в принципе невозможно» [1, с. 37]. Таким образом, исследователь сталкивается с вышеуказанной антиномией и, не имея реальной возможности полноценно её преодолеть и разрешить, вынужден как минимум постоянно её учитывать и делать поправку на неё. С подобным вопросом сталкивается и конструктор мифа, его творец, и от того, какой путь он выберет, будет зависеть ориентация и тип созданного им мифа, способы и качество существования в нём приверженцев мифа, роль самого творца в рамках мифа: будет ли он центральной фигурой своего творения, что приблизит такой миф к секте, или же, напротив, сам растворится в нём, отпустив своё творение в свободное плавание.

Еще одну особенность метко описывает Е.А. Исаков: «Предпосылки мифотворчества определяются во многом характерными чертами социального бытия. Пожалуй, как основной мотив социально-философских теорий мифа в XX веке можно зафиксировать стремление выделить и определить всеобщую

основу мифотворчества, которая не была бы сведена к субъективным состояниям человеческого восприятия и переживания. Миф постулируется как деятельность социального субъекта, то есть человека, включенного в сеть взаимодействий с другими людьми. Феномен мифотворчества, таким образом, предстает не просто как форма бытия человека, его деятельности, но как способ его со-бытия, со-действия с другими» [2, с. 91]. Исходя из этого, мы можем сделать вывод о возникающем в ходе мифотворчества особом жизненном мире, полном вышеуказанных интерсубъективных смыслов, социальных действий, особых правил и ритуалов. Так или иначе, несмотря на сложности и специфику, миф требует исследования не только (а сегодня, быть может, уже и не столько) по чисто научным, теоретическим мотивам, а по вполне практическим, материальным. Без исследования мифа, его устройства и конструирования нельзя представить современную социальную философию, политологию, философию культуры и другие междисциплинарные исследования.

Под мифотворчеством мы будем понимать процесс сознательного конструирования личностью или социальным субъектом мифа, в ходе которого он (миф) получает автономное существование и сам способен стать источником создания мифа, что может привести к созданию «мифа о мифе».

Концепция общества риска формулируется в XX в. Под обществом риска мы будем понимать такую ситуацию, в которой производство благ и активность социальных субъектов в целом сопряжена с производством рисков, которые сами становятся значимым фактором производства и требуют особого учёта и внимания к себе.

Переход к обществу риска мировой социально-политической системы, феномены глобализации и унификации, информатизации и активное развитие массмедиа придали мифотворчеству и его исследованиям новый импульс и расширили поле его применимости. Кроме того, увеличилось число интерпретаций данного феномена применительно к разнообразным аспектам социального бытия. Политика и искусство, мораль и другие сферы общественного сознания сближаются и даже смешиваются в «плавильном

котле» современного общественного сознания. Это стало возможно благодаря массивности последнего, снижению его критичности и, как следствие, высокой восприимчивости к мифу и даже, быть может, неосознанному желанию раствориться в нём. В подобном желании мы можем уловить нотки описанного Хайдеггером «Дазмана», что снижает творческий потенциал общества, его толерантность по отношению к представителям других культур и отличным от стереотипов точкам зрения. Общество риска повышает ответственность творца мифа в сложившихся условиях за результаты творения, поскольку уже сам риск является фактором, влияющим на деятельность людей, материальное и духовное производство. Иными словами, в общества риска мы вынуждены оценивать не только реальные, но и потенциальные риски нашей деятельности, если так можно выразиться, риски наступления рисков. Благодаря современным средствам коммуникации любой миф может быть растиражирован и воспринят массовым сознанием, причем в условиях господства симулякров и так называемой постправды уже важна не истинность или ложность предлагаемой информации, но её адекватность запросам общества и интерес к предложенной тематике. Как пишет С.С. Васильев, «В силу своей специфики СМИ не знают ни демографических, ни социальных, ни национальных границ своего действия, обеспечивая тем самым взаимосвязь народов и культур, представляя собой средство формирования целостного представления о мире. Выступая вещественным компонентом коммуникативного процесса, СМИ выражают собой способ передачи, хранения и распространения культурных ценностей в обществе. В то же время специфика воздействия СМИ на человека заключается в том, что в отличие от информации, получаемой в межличностном общении, информация в СМИ проходит отбор, классификацию фактов и явлений общественной жизни, то есть является организованной, структурированной. В результате человек получает интерпретацию информации» [3, с. 42].

Таким образом, исследования мифа в обществе риска тесно переплетаются с исследованиями вопросов национальной безопасности,

проблем молодёжи, этической ответственности учёного за свои творения – в данном случае рукотворные мифы и последствия их реализации в социокультурном пространстве. Во втором параграфе статьи мы попытаемся проиллюстрировать и проанализировать феномен мифотворчества в контексте российской культуры 1990 гг. годов XX века и указать на причины и следствия явлений, произошедших в ней.

Становление России как наследницы Советского Союза и независимого государства было осложнено как политическими и экономическими проблемами, так и проблемами и сложностями в духовной сфере. Эти вопросы, безусловно, внутренне взаимосвязаны, и решение их требовало комплексного подхода, который не удавалось выработать долгий период времени. Нельзя не согласиться с профессором Смышляевым, который отмечает: «Процесс общественного развития в противоречивых современных политических и социально-экономических условиях – явление чрезвычайно сложноструктурированное и многоаспектное. Его содержание, динамика и качественное состояние во многом зависят, прежде всего, от такого главенствующего субъекта управления и влияния на жизнедеятельность общества, как государство» [4, с. 244]. Государство же в исследуемую эпоху было не способно выполнять свои функции, что и привело к общественно-политическому коллапсу.

Именно в этот период времени формируются наиболее радикальные субкультурные и контркультурные мифы, лежащие в основе многих современных течений, вдохновившие на искания в искусстве многих его представителей. При этом сами творцы тех мифов так и остались вне лучей славы, коммерции, какого-либо публичного и монетизируемого успеха. И в этом – специфика искусства данного периода: с одной стороны, коммерческий спрос на произведения массовой культуры и упадок элитарной культуры, с другой стороны – масса некоммерческих и самобытных проектов, способных стать основой другой культуры, но не способной выживать в иных, более рафинированных условиях. Жёсткость и даже жестокость «социокультурной

ниши» [5, с. 33], в которой вызревало исследуемое нами искусство, диктовало свои мотивы для творчества и способы их выражения, а также предлагало способы сохранения собственной идентичности по отношению к изменяющемуся и текучему, неустойчивому миру. Одним из таких способов и стало мифотворчество вокруг плодов своего искусства, закрытость, отказ от коммерции. Нежелание соотносить себя ни с официальной культурой (насколько её можно признать таковой, учитывая условность границ официального и даже просто легального), ни со старыми рокерами и представителями советского андеграунда, ни тем более с криминалитетом ставило вопрос о выживании андеграунда, как феномена культуры, так и в целом чего-то самобытного в России, что и привело к его закрытости и выстраиванию определенного мифа вокруг себя и своих творений. Это очевидный, пусть и не осознаваемый самими акторами выбор в сторону «быть», а не «иметь». В частности, А. Горбачев и И. Зинин приводят цитату представителя андеграунда тех лет Бориса Усова, лидера группы «Соломенные еноты»: «Мне было важно, кто будет слушать. <...> я делал все, чтобы не быть популярным» [6, с. 385].

Мифотворчество стало способом защиты от возможности быть купленным, смешанным с общей массой, но именно это и стало причиной того, что андеграунд 90-х годов не смог перенести свою сущность уже в третье тысячелетие, уйдя вместе с девяностыми в историю. И в этом мы обнаруживаем еще один признак мифа, связывающего архаичный и современный миф: невозможность переноса на новую почву, ухода из своего исторического контекста. Это указывает, что думающая, творчески способная молодежь нашла себя в таком самовыражении по причине социальной нестабильности, неопределенности, необходимости выразить протест. Как только появились условия для самореализации, большинство представителей творцов мифов 1990 гг., оставшихся в живых, нашли себя в современной культуре, но в другом качестве: например, лидер «Машнинбэнд» Андрей Машнин стал известным журналистом, Владимир Епифанцев – актером, Андрей Алякринский – саунд-

продюсером и так далее. Миф ушел вместе со своей эпохой, творцы, не захотевшие перестроиться под новую эпоху, остались «в подполье», утратив творческую активность. Так, Андрей Машнин отмечает в интервью: «Мне всё это по-нормальному неинтересно. Не представляю, ради чего я бы сейчас стал это делать. Я не тоскую по сцене. <...> Я писал то только потому, что это должно было пригодиться. Как только все кончилось, смысла в этом уже не было. Ну и потом, я думаю, что всё сказал уже» [6, с. 225].

Философский аспект подобного феномена мифотворчества состоит еще и в том, что максимально деструктивные и контркультурные направления дали толчок и вдохновили многие группы и личности на творческие поиски. Так, например, группа «Пилот» заимствует эстетику не рассмотренной в рамках данной статьи, но весьма известной группы «Химера». Творчество фолк-групп отсылает нас к творчеству Вени Д'ркина, миф о «Соломенных енотах» и их тексты служат источником вдохновения для молодых панк-коллективов. «Последние Танки в Париже» до сих пор являются выразителем духа того времени, таким живым памятником минувшей эпохи, что интересно коррелирует с названием группы. Сложилась парадоксальная ситуация: деструктивная эпоха и культура стали конструктивным началом чего-то нового, подлинного и конструктивного, оставшись при этом лишь в памяти ценителей и исследователей. Миф был призван сокрыть зачастую низкое качество звука и исполнительского мастерства, чувство тупика и безысходности, тонкую душевную организацию участников (многие из представителей андеграунда были достаточно начитанны, хотя системного образования, как правило, не имели), приумножая энергетику и смысловую нагрузку предлагаемого андеграундными группами искусства. При этом, безусловно, радикальность мифов носила для многих своих приверженцев радикальные последствия: алкоголизм и наркомания погубили не одну творческую личность, но именно указанный выше аспект не даёт нам возможности оценивать андеграундную культуру и её мифы сугубо в негативном ключе.

Феномен мифотворчества в рамках исследования раскрыл свою сложную внутреннюю структуру и противоречивость последствий воплощения мифа в жизни. Отдельно хотелось бы заметить, что подобные исследования зачастую находят в мифах больше, чем сами творцы мифа вкладывали в этот самый миф. Как это часто бывает, произведение способно сказать о себе больше, чем его творец. Таким образом, исследования современных мифов отчасти сами являются мифотворчеством о мифах.

Крайне важным представляется понимание рисков появления мифов радикального и деструктивного толка в современной политике и культуре, поскольку они, во-первых, являются наиболее опасными для стабильности общества, а во-вторых, наиболее популярны среди молодежи и маргинальных слоев, что представляет собой угрозу общественной безопасности. Необходимо формирование запросов общества на мифы конструктивного толка и нетерпимость к проявлениям ксенофобии и агрессии в рамках политики и искусства. Этого можно добиться, лишь применяя комплексные меры: повышение уровня жизни, развитие экономики, молодежной политики, образования, медицины. Одной лишь пропагандой противостоять деструктивным и радикальным мифам сложно, поскольку требуются материальные, реальные аргументы на критику со стороны радикалов и маргиналов. В условиях общества рисков требуется профилактика и комплексная, системная работа во всех сферах общества по преодолению рисков возникновения рисков, что поможет сохранить социальную стабильность и предотвратить маргинализацию общества, увлечение деструктивными контркультурами и субкультурами, сохранив физическое и психологическое здоровье молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Екимова О.В., Курочкина Л.Я. Мифотворчество: особенности проявления в системе современных ценностей // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2009. – № 7. – С. 36-38.

2. Исаков Е.А. Миф как феномен социального бытия в философии мифологии XX века // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. – СПб., 2010. – № 120. – С. 91-96.
3. Васильев С.С. Механизмы и уровни внедрения мифа в массовое сознание: массмедиа как инструмент социального мифотворчества // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2009. – Вып. 2. – С. 37-47.
4. Смышляев В.А. Процесс общественного развития как объект государственного регулирования: дефиниционные, политико-философские и инновационные аспекты // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. – 2016. – № 1 (11). – С. 242-247.
5. Кравец А.С. Наука как феномен культуры: Монография / А.С. Кравец. – Воронеж: Истоки, 1998. – 92 с.
6. Горбачев А. Песни в пустоту: потерянное поколение русского рока 90-х. – М.: АСТ:CORPUS, 2015. – 445 с.
7. Смышляев В.А. Медиаобразование как фактор социализации молодежи: социополитические аспекты / В.А. Смышляев // *Новая наука: От идеи к результату*. – 2016. – № 6-2 (90). – С. 62-65.
8. Кукарников Д.Г. Массмедиа в современной культуре: опыт политико-философского осмысления / Д.Г. Кукарников // *Мат-лы VII междунар. науч. конф. «Традиционная и современная культура: история, современное состояние, перспективы» (Прага, 20-21 сентября 2017 г.)*. – Прага, 2017. – С. 53-59
9. Кукарников Д.Г. Философия социальных наук: современные концепции и модели / Д.Г. Кукарников // *Новые идеи в философии*. – 2016. – № 3 (24). – С. 195-200.
10. Turner B.S. *Orientalism Postmodernism and Globalism*. Routledge, Taylor & Francis e-Library, 2003. – 228 p.
11. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
12. Православский С.С. Трансформация социальной коммуникации в информационном обществе / С.С. Православский // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. – 2014. – № 4. – С. 105-10.